

Военные заслуги Лу Цяньтана продолжали накапливаться, звание — расти, и он, естественно, получил немало наград в виде золота и серебра. Однако он почти ничего не оставлял себе, щедро раздавая всё своим подчинённым. Сам он был неприхотлив в еде, но, часто слыша жалобы солдат на пайки, стал обращать на это внимание и при любой возможности приказывал походной кухне добавлять им несколько мясных блюд. Практически всё своё жалование он тратил на это.

Тренировки под его началом были жёстче, чем у других, но и награды его люди получали самые щедрые. Когда предстояло дело, грозившее смертью, он всегда шёл первым. Независимо от того, жаловались ли солдаты на суровую муштру, они все искренне уважали своего командира.

На войне всегда так: те, кто прошёл через смерть бок о бок, становятся настоящими братьями.

Такой рискованный, играющий со смертью стиль Лу Цяньтана в атаке и обороне весьма заинтересовал князя Ляна, и тот часто призывал его для изучения карт оборонительных укреплений и обсуждения расстановки войск и тактики.

Лу Цяньтан, хотя и прочёл немало военных трактатов, действовал на поле боя как самоучка, и весь его вид источал свирепость. Сяо Хуаймин, князь Лян, с юности привыкший к своеволию, современники говорили о нём как о человеке, отвергающем устои и не признающем законов, а такие как раз и любят самоучек. Особенно Сяо Хуаймину нравился его нестандартный, свободный от шаблонов подход, иногда в пылу беседы он едва не дарил ему и свой собственный поясной меч.

За те несколько лет, что Лу Цяньтан провёл среди городской черни, он не научился ничему другому, но умение считывать настроение и подыгрывать собеседнику у него было первоклассным. Он прекрасно понимал, с кем и как нужно говорить, и вскоре сумел обвести вокруг пальца самого князя Ляна.

Его светлость князь Лян, во-первых, ценил его дерзкую удаль, во-вторых, ему приятно было слушать его речи и видеть, как ловко тот справляется с делами, к тому же его манеры были утончёнными и благородными — совсем не как у грубого солдафона. В приливе радости князь взял его к себе в заместители.

Незаметно наступил конец года. Пограничные посты не были сняты, режим повышенной готовности по-прежнему не отменяли. Поскольку масштабы последнего сражения были немалыми, наманьцы всё ещё могли предпринять контратаку. С приближением Нового года бдительность ослаблять было никак нельзя. К тому же императорский указ о возвращении в столицу для получения наград всё ещё не приходил, и все войска в Лянгунь вынуждены были пока оставаться на местах в ожидании приказа.

Лу Цяньтан наконец-то перебрался из захолустных окраин в район трёх северо-западных городов. Место их дислокации находилось в посёлке Гулу, одном из этих трёх городов, прямо на северо-западном торговом пути, и было весьма оживлённым. Местные жители говорили с акцентом, и два иероглифа «Гулу» часто слышались приезжим как «Гулу» (бульканье). Возможно, им и самим это казалось забавным, так что со временем посёлок тоже стали называть «Гулу».

Накануне Нового года во всех лагерях был введён посменный отдых. Лу Цяньтан за такое долгое время наконец-то получил один выходной, снял доспехи, переделался в обычную одежду и отправился прогуляться по посёлку.

Цинь Хуаньлин, улучив этот редкий шанс, настоял на том, чтобы пойти с ним побродить. Впервые за долгое время он открыто купил вино и, болтаясь рядом, то и дело подносил его к носу, нарочно давая Лу Цяньтану вдохнуть этот давно забытый аромат вольной жизни.

Лу Цяньтану было не до него, но, увидев лавку украшений, он остановился и, обернувшись, глянул на него:

— Не ходи за мной по пятам. Купи-ка лучше несколько кувшинов вина, угости ребят, счёт на мне.

Цинь Хуаньлин заподозрил неладное, хлопнул себя по лбу:

— Ай, я тоже хочу зайти посмотреть! Потом куплю маме пару серёжек покрасивее. Главарь, давай вместе.

Лу Цяньтан с недовольством нахмурился, раздражённо буркнул:

— Ты специально?

Цинь Хуаньлин уже давно заметил, что в последнее время у того, судя по всему, неважное настроение, и любопытство пересилило инстинкт самосохранения. Даже если он разозлит его и схлопочет побои, он должен был во всём разобраться.

Цинь Хуаньлин потряс винной флягой и ахнул:

— Главарь, как-то это не по-нашему. Это же просто лавка с украшениями, тебе можно, а мне почему нет? Или, может... у тебя там есть что-то такое, что нельзя показывать людям?

Лу Цяньтан тут же ударил его ножнами меча по лбу:

— Это у тебя есть что-то, что нельзя показывать!

Цинь Хуаньлин, получив желаемую взбучку, от удара опешил, схватился за лоб и застонал:

— Ладно, ладно, больше не буду! Почему сразу драться?

Лу Цяньтан бросил на него взгляд:

— Сам напросился.

Цинь Хуаньлин, всё ещё не боясь смерти, продолжил следовать за ним как тень. Увидев, как тот спрашивает о починке, он сразу всё понял. В душе он цыкнул раз восемьсот: некоторые делают вид, что им всё равно, а как только выпадает выходной — бегут чинить вещи. Цинь Хуаньлин не смог удержаться от фантазий: может, владелец этой вещи очень строгий? Иначе почему он так нервничает? Со стороны можно подумать, что на его мече появилась зазубрина.

В голове у Цинь Хуаньлина пронеслись всевозможные догадки, но на этот раз он не осмелился отпустить язвительные комментарии, а тихонько стоял в сторонке, изображая из себя столб.

Хозяин лавки сказал, что нужно вынуть вещь и посмотреть, насколько глубока трещина, чтобы понять, можно ли её починить. Когда Лу Цяньтан снял с шеи то самое кольцо лучника, висевшее на чёрном шнурке, глаза Цинь Хуаньлина чуть не вылезли из орбит — он и вправду носил его на себе!

Но это выражение крайнего изумления продержалось недолго, ведь Цинь Хуаньлин совершенно отчётливо ощутил на себе убийственный взгляд заместителя командира Лу, готовый его прикончить и замести следы.

Цинь Хуаньлин жестом показал, что зашивает себе веки.

Но в итоге починить так и не удалось. Хозяин сказал, что шансов всего восемьдесят процентов, и предложил оставить вещь у него, а через пару дней забрать. Лу Цяньтан тут же отказался и, сунув кольцо в карман, ушёл — он не хотел рисковать.

Цинь Хуаньлин, закинув голову, беззвучно вздохнул и подумал: ну ладно.

Вечером в палатке расставили вино и закуски. Из-за непрерывных боёв Лу Цяньтан с тех пор, как прибыл в Лянгунь, ни разу не отдыхал, и у его подчинённых тоже не было возможности выпить. «Без выходных — не пить, в лагере — не играть в азартные игры» — таков был его железный закон, и все, кто тайком пил или играл в кости, были биты. Эту дурную привычку искоренили солёной плетью.

На носу был конец года. Без вызова из дворца Ингао никто не смел самовольно покинуть пост. А в посёлке Гулу было шумно и весело. В лагере этого не ощущалось — круглый год вокруг лишь жёлтые пески, все давно привыкли. Только сходя в посёлок и увидев повсюду красные фонари и красные ленты, развешанные на ветвях деревьев, они по-настоящему почувствовали приближение Нового года.

В душе у Лу Цяньтана было пусто. Все прошлые новогодние праздники он проводил в чайной «Баньжисянь». Там были его учитель и Цинцин, а ещё несколько учеников примерно его возраста. В канун Нового года все забывали о правилах, все сидели за одним столом, ужинали. Как бы они ни шумели и ни безобразничали, в этот день их точно не ругали.

Хотя он провёл в Лянгунь меньше года, события прошлого казались теперь бесконечно далёкими, словно жёлтый песок, потревоженный копытами коня: подует ветер — и ничего не останется. Это всепроникающее чувство нереальности достигло предела.

Когда дело не касалось службы, Лу Цяньтан не был таким уж строгим. За ужином он слушал, как они болтают обо всём на свете, и даже вставлял свои реплики, пил, когда нужно было пить, шутил, когда нужно было шутить. В самый разгар застолья Цинь Хуаньлин вдруг вскочил и гаркнул:

— Сегодня, между прочим, день рождения нашего заместителя! Эй, главарь, сколько тебе вообще лет? А, да неважно! Выпьем за тебя!

Лу Цяньтан опешил:

— У меня день рождения?

Цинь Хуаньлин потянул его, чтобы тот выпил, и стал торопить:

— Не прикидывайся! Давай быстрее! Мы же не будем смеяться, если ты опьянеешь, а то ты вечно прячешься и не пьёшь.

Остальные подхватили смехом:

— В день рождения нужно выпить хоть одну! Трусливо отмахиваться — не дело мужское.

Лу Цяньтан отмахнулся от них:

— Кто отмахивается? Я просто забыл, что сегодня мой день рождения. Я не так уж плохо держу алкоголь, ещё неизвестно, кто кого уложит.

Лу Цяньтан встал и выпил с каждым по кругу, с грохотом поставив пиалу на стол, и усмехнулся:

— Ну как? Я просто боялся, что вы все перепьёте, а завтра некому будет на посту стоять.

Цинь Хуаньлин с преувеличенным энтузиазмом захлопал в ладоши, подхалимски воскликнув:

— Молодец, молодец! Ты именинник, сегодня тебя никто не перепьёт. Главарь, мы заказали для тебя лапшу долголетия. Здесь особо не разгуляешься, но как символ сойдёт.

Изначально планировалось, что эту главу я допишу и выложу позавчера, но из-за очень плохого психического состояния я совсем не мог писать, и она задержалась до сегодняшнего дня — приношу свои извинения. Я всего лишь человек, который любит выпрашивать у всех поцелуйчики, обнимашки и тереться щёчками. Пишу эту историю просто потому, что она мне нравится. Весь путь я встречал только милых, добрых и терпеливых читателей, за что я бесконечно благодарен. Поэтому, впервые столкнувшись с такой личной атакой, мне действительно трудно принять это, я очень расстроена. Эта работа не идеальна, мои главные герои тоже не безупречны, но я очень люблю их. Я получила и доброту, за что очень благодарна. Под рукой есть задачи по списку, но я боюсь, что из-за своего эмоционального состояния испорчу историю, поэтому в дальнейшем буду её править. Если буду править, отмечу это. Все замечания по ошибкам приветствуются. Если это повлияло на ваше впечатление от чтения, ещё раз приношу свои извинения.

<http://bllate.org/book/16145/1445951>